

Перспективы исторических исследований в постколониальной индологии

Злобин С.С.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье рассматриваются перспективы адаптации достижений вызывающего большие споры направления постколониализма (постколониальной теории) в исследованиях истории Индии.

Цель статьи – выявление перспектив постколониальных исторических исследований на примере истории Индии.

Материал и методы. *Использованы передовые материалы современной историографии истории Индии, а также достижения постколониальной теории. Были применены традиционные и инновационные методы исследования, в частности дискурс-анализ и герменевтика, позволившие лучшим образом понять язык современной гуманитарной науки.*

Результаты и их обсуждение. *Постколониальные исторические исследования сегодня вынуждены противостоять острой критике. Выделяются основные стороны критики возможностей построения постколониальной историографии. Данная критика представлена, с одной стороны, указаниями на излишнюю обобщенность колониализма в постколониальной интерпретации и, с другой – неприятием игнорирования постколониализмом сложности доколониального периода. Однако работа постколониализма сосредоточена на ином эпистемологическом уровне, касающемся связности исторического нарратива. Постколониализм позволяет преодолевать в историческом рассказе об Индии скованность императивом линии авторитарного исторического времени, не рассматривать одни элементы как признаки отсталости, неразвитости, а другие как ориентиры уходящих вперед развитости и успеха.*

Деконструкция связности исторического нарратива может доходить до потери контакта между отдельными выражениями во фразе, как это происходит у Г. Спивак, которая перенасыщает свою работу метафорами из психоанализа и постмодернистскими терминами.

Заключение. *Исторические исследования, выведенные на уровень эпистемологии рассказа, необходимы для экономического, политологического, социологического изучения современной Индии, за которой прочно закреплен стереотип развивающейся страны, догоняющей развитые регионы мира.*

Ключевые слова: *постколониализм, Г. Спивак, Д. Чакрабартти, Х. Бхабха, оппозиция Индия – Британия, исторический рассказ, историческое время, исторический источник, индуизм, касты.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 81–85)

Prospects of Historical Studies in Postcolonial Indology

Zlobin S.S.

Education Establishment “Belarusian State University”, Minsk

The article discusses the prospects for adapting the achievements of post-colonialism (postcolonial theory), which causes great controversy, in the historical studies of India.

The article aims at identifying prospects of postcolonial historical studies based on the example of history of India.

Material and methods. *The advanced materials of modern historiography of the history of India, as well as the achievements of postcolonial theory were used. Traditional and innovative research methods were applied, in particular discourse analysis and hermeneutics, which made it possible to better understand the language of modern humanities.*

Findings and their discussion. *Today postcolonial historical research has to confront sharp criticism. The main aspects for criticism of the possibilities of building postcolonial historiography are highlighted. This criticism is presented, on the one hand, by indications to an excessive generalization of colonialism in a postcolonial interpretation and, on the other hand, by unacceptance of the postcolonial rejection of the complexity of the pre-colonial period. However, the main work of postcolonialism is focused on a different epistemological level regarding the coherence of historical narrative. Postcolonialism allows us to overcome the constraint of the imperative of the line of authoritarian historical time in the historical narrative about India, not to consider some elements as signs of backwardness, non-development, and others as landmarks of development and success that lie ahead.*

The deconstruction of the coherence of historical discourse can go as far as losing contact between individual expressions in a phrase, as it happens with G. Spivak, who oversaturated her work with metaphors from psychoanalysis and postmodern terms.

Conclusion: *historical research, brought to the level of the epistemology of the narrative, is necessary for the economic, political, sociological study of contemporary India, which is firmly entrenched in the stereotype of a developing country, catching up with developed regions of the world.*

Key words: *postcolonialism, G. Spivak, D. Chakrabarty, H. Bhabha, India – Britain opposition, historical narrative, historical time, historical source, Hinduism, castes.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 81–85)

Постколониализм – это направление в гуманитаристике, истоки которого связаны с выходом в 1978 г. книги работавшего в США арабского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». По Э. Саиду, дискурс о Востоке представляет собой сложный комплекс знания/власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, который посредством различных дискурсивных практик о Востоке предписывает ему подчиненное географическое положение. Приращение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Западом на репрезентационные средства, что позволяет генерировать мифы, конструирующие единственно возможную реальность.

Индология занимает в постколониализме значительное место. Передовыми постколониальными исследователями являются Х. Бхабха, Г. Спивак, Д. Чакрабартти, П. Чаттерджи, которые строят свои теории на основе изучения колониализма в Индии. Рецепция постколониальных исследований колониализма в Индии оборачивается поиском наиболее подходящего термина для описания императива установления границ для объектов, испытывающих влияние колониальной власти. Таким термином может быть цивилизация, т.е. анализ колониализма в Индии осуществляется в постколониальной индологии в виде критики конструирования цивилизационно замкнутой Индии как оппозиции Британии (Западу), что придавало объектам, попавшим в колониальное пространство действия колониальной власти, те границы, которые отражали всю остроту оппозиции Индия – Британия (Запад).

В такой трактовке гуманитарные дисциплины предстают не как средство анализа какой-либо действительности, а как собственно та действительность, которая подлежит анализу. Гуманитаристика не предоставляет достоверной и истинной информации об окружающем мире и о самом человеке, а является следствием властных интенций колонизатора. Гуманитаристика – это та сетка, через которую видится мир и которая навязана в ходе европейской экспансии, эпистемологическое поле, тяжким грузом нависшее над идентификационными проблемами бывших колоний. Исторические знания выступают как часть этой сетки, и в постколониализме они рассматриваются с точки зрения роли, сыгранной ими в реализации колониальной власти (Д. Чакрабартти).

Представление истории как орудия колониальной власти не может не вызывать тревогу за судьбу исторических исследований (Ф. Купер, С. Саркар). Постколониализм обвиняется в следующем: вместо того, чтобы заняться настоящим исследованием истории

колониализма, он предпринимает непонятные нападки на какой-то абстрактный негативный колониализм.

Цель статьи – выявление перспектив постколониальных исторических исследований на примере истории Индии.

Материал и методы. Материалом послужили теоретические достижения постколониального дискурса и современной историографии истории Индии. В силу нечеткости многих постколониальных концепций, генеалогически связанных с постмодернизмом, а также широты разбираемого инструментария современной исторической науки, в статье наряду с традиционными методами исторической науки использовались также такие инновационные методы исследования, как дискурс-анализ и герменевтика, что позволило представить изучаемые понятия в более ясной и логичной форме.

Результаты и их обсуждение. Критика адаптации постколониализма в историографии, наверное, более обширна, чем признание достоинств постколониального поворота. Первое, что ей подвергается, – трактовка колониализма как феномена, одинакового во всех своих проявлениях. По мнению оппонентов, постколониализм продвигает упрощенный взгляд на колониализм как на время конструирования самых различных объектов. Ученые утверждают, что в зависимости от местных обычаев, особенностей действий колониальных властей колониализм в каждом отдельном случае представал в виде совокупности совершенно различных элементов. Если не учитывать этого, то появляется риск выбора только тех примеров, которые должны подходить под абстрактную схему общего колониализма. С. Саркар говорит, что П. Чаттерджи применил взгляды Э. Саида, касающиеся подавляющей природы колониальной власти пост-Просвещения, к колонизированной интеллигенции, которая была таким образом фактически лишена субъектности и стала считаться способной только на деривативные дискурсы. Колониальное культурное доминирование, лишенное всех сложностей и вариаций, сталкивается с туземной сферой, лишенной противоречий и конфликтов [1, р. 91–92].

Во-вторых, по мнению оппонентов постколониализма, присказка о том, что для понимания любой категориально-понятийной конструкции (санскрит, астика и настика, федеральное устройство Индии) следует обращаться к взаимосвязи появления этого понимания и колониализма, сводит на нет анализ эпохи до-колониализма в Индии. Американский исследователь Эндрю Николсон, получивший приз за лучший

дебют в области истории религий от Американской академии религии, начинает свою книгу «Унификация индуизма: философия и идентичность в индийской интеллектуальной истории» с того, что, признает правоту тех, кто отклоняет взгляд на индуизм как извечно существовавшее целое, но не соглашается с постколониальным тезисом о конструировании единой философии индуизма в колониальную эпоху. Э. Николсон выдвигает свою концепцию об унификации данной философии. Тезис Э. Николсона состоит в том, что между двенадцатым и шестнадцатым веками нашей эры определенные мыслители начали трактовать как единое целое различные философские учения Упанишад, эпоса, Пуран и школ, известных ретроспективно как «шесть систем». Индийские и европейские мыслители в девятнадцатом веке, которые развили термин «индуизм» под давлением новой объяснительной категории «мировые религии», находились под влиянием тех более ранних философов и доксографов, главным образом ведантистов, которые имели свои причины отстаивать единство индийской философской традиции [2]. Точно также Дэвид Лоренсен критикует тех исследователей, которые придают большое значение британскому конструирующему влиянию на появление понятия и феномена индуизма [3, p. 631]. Гийс Крейтцер в своей работе «Ксенофобия в Индии семнадцатого века» противопоставляет взгляду Б. Кона, согласно которому люди не категоризировали вещи до прихода европейской модернити [4, p. 6], характеристику предшествующей британскому колониализму истории Индии как наполненной разного рода стремлениями к разделению и тревогами [4, p. 6].

Однако постколониальное рассмотрение истории как орудия колониальной власти сложнее, чем просто утверждение, что истории как науки нет, а есть то, что придумали колониальные историки и чиновники.

Философ Г. Спивак сосредотачивается на проблеме исторических знаний как таковых. Здесь она развивает свою трактовку феномена угнетения, впервые выдвинутую ею в знаменитом эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (Can the Subaltern Speak?). Как отмечает Г. Спивак в посвященной исторической дисциплине главе своей книги «Критика постколониального разума» [5, p. 198–312], проблемы не только в написании истории отдельно взятого объекта (в данном случае рани (правительницы) Сирмура, а в написании истории в целом [5, p. 239]. Именно с таких позиций она исходит, когда берется за критику конкретного властного исторического колониального дискурса, построенного на трех британцах: капитан Джеффри Берч, установление беглым взглядом чужестранца как суверенного субъекта информации, агент-инструмент; майор-генерал сэра Дэвид Очтерлони, реинскрипция права как быть-принужденным, агент-стереотип империалистического злодея; разделенный господин в метрополии, испускающий желание преждевременно как закон, агент анонимный, потому что являющийся частью целого [5, p. 217]. Уже сам язык изложения

свидетельствует о неразрывности анализа конкретных вопросов использования британским колониализмом истории и вопроса о сути истории и историографии, для чего исследователь прибегает к таким авторам, как Ж. Деррида, З. Фрейд. Г. Спивак признается, что использует З. Фрейда для того, чтобы заимствовать соблазнительный и рискованный интерпретативный словарь и сильные метафоры [5, p. 209].

Но ведь существовали различные объекты исторических знаний. В колониальном пространстве могли находиться как знания о римской истории, так и о древней Индии, как об истории Британии, так и об истории других частей света. Как же они связывались в единое целое? Для ответа на этот вопрос стоит указать на особую структуру, способствовавшую появлению единого пространства существования для различных объектов исторического знания. Эту структуру можно назвать историческим временем.

В свою очередь, П. Чаттерджи указывает на обязательное применение модуса историчности для получения объективных знаний в рамках эпистемологии пост-Просвещения. По его мнению, разбираемое им творчество Бонкимчондро Чоттопаддхайя, великого бенгальского писателя, его метод, концепции и стили рассуждения находятся в рамках форм пост-просвещенческой научной мысли. Изучение социальных институтов или верований вынуждено содержать описание своих собственных внутренних историй – их истоков и процессов эволюции – точно также, как непринужденные к человеческому роду или неодушевленные существа стали областью естествознания (natural history) [6, p. 58]. Именно это вынудило Бонкимчондро отчислять и игнорировать множественные добавления, сокращения и редактирования к санскритским текстам о Кришне для того, чтобы достичь «первоначального исторического описания» жизни Кришны [6, p. 59].

Проблеме исторического времени в рамках постколониального поворота в индологии отводится большое место по причине того, что для постколониализма главным объектом критики является эпистемология европоцентричной эпохи модерна, существование которой возможно в первую очередь благодаря концепту исторического времени, т.к. важнейшими для модерна являются дискурсы, основывающиеся на том, что и человек, и общество имеют свою историю, свой поход из затерянного прошлого к современному состоянию.

Исследователь Л. Ганди видит в критике Ф. Ницше, в его рассуждениях о генеалогии один из основных теоретических фундаментов постколониальной теории. Ссылаясь на М. Фуко и его сочинение «Ницше, генеалогия, история», она говорит, что парадигматическая критика Ф. Ницше направлена на два фундаментальных гуманистических мифа: миф о чистом истоке и освободительный миф о прогрессе и телеологии [7, p. 37].

По Ф. Ницше, мы желаем пробудиться к чувству независимости человека, показывая его божественное

рождение. Эта вера теперь запрещена с тех пор, как обезьяна стоит у входа [7, р. 38].

Д. Чакрабарти отмечает, что современная политика часто обосновывается как история человеческой независимости, осуществляемой в контексте безостановочного разворачивания унитарного исторического времени [8, р. 15]. Благодаря использованию этого концепта допустимо сказать о том, что одни более развитые, а другие – менее. Одни (Запад – Британия) без помех шагают по лестнице рабовладение-феодализм-капитализм или общество традиционное-индустриальное-информационное, другие (Не-Запад – Индия) – нет; их путь наполнен пережитками и особенностями, которые создают в современности помехи для развития демократии, гражданского общества, гендерного равноправия, образования и медицины. Д. Чакрабарти говорит, что британцы завоевали и репрезентовали разнообразие индийских прошлых посредством гомогенизирующего нарратива перехода от средневекового периода к современности [8, р. 32].

Как можно не воспользоваться критикой связности исторического нарратива, возможностью разваливать вплоть до отдельных слов, казалось бы, незыблемые его части, возможностью не ограничиваться логикой, указывающей, какое физическое тело в какой период куда ходило, что при этом думало и переживало? Как не видеть удачу в пересмотре линейности и хронологичности истории, составленной из современной, средневековой, древней эпох, принимая вместо них за основное мерило исторического времени колониализм? Перед историческими исследованиями постколониализм открывает перспективы более глубокого исследования эпохи колониализма, а также более разностороннего рассмотрения предшествующего колониализму материала, более свободного отношения к историческому источнику.

Профессор Р. Инден в предисловии «От филологического к диалогическому тексту» к сборнику «Расспрашивая средневековое: тексты и история практик Южной Азии» одну из наиболее актуальных задач изучения т.н. средневековых текстов Южной Азии видит в смене монологического подхода на диалогический. Авторы и текстуальные практики перекрываются другими практиками – литургические практики монастырей и храмов, сельскохозяйственные практики деревень, политические и военные практики королевских дворов. Но историки склонны не замечать этих аспектов и составляют свои монологические тексты, властные нарративы национальной и цивилизационной истории. Первым принципом таких нарративов является размещение людей, институтов и событий, как если бы они были дискретными объектами, на гомогенной решетке времени-пространства. Такой подход принимает по большей части форму реконструирования «политической» хронологии, которая составляет «костяк» истории [9, р. 15].

Процесс становления касты как общественно-политической идентичности модерна рассматривается

в работе «Конструирование криминального племени в колониальной Индии» Г. Шварцем, где автор пытается отследить различные траектории выстраивания дискурса определенной социальной идентичности в рамках антисоциального, криминального поведения [10]. Интересно, как ученый находит место концепции «туги» (индийские разбойники) в колониальной системе знания. Г. Шварц разделяет колониальные знания на ориенталистские стереотипы, абстрактные знания, и более прагматичную способность сбора и обработки информации. Г. Шварц говорит, что туги воплощали несовершенную связь между двумя системами знаний [10, р. 57].

Яркой иллюстрацией генеалогии колониального контекста становления того или иного дискурса, тех или иных понятий является произведение профессора Кенского университета Ричарда Кинга «Ориентализм и религия: постколониальная теория, Индия и “мистический Восток”». Р. Кинг говорит, что его интересом в данной работе было изучение соединения постколониальной теории и сравнительного религиоведения. Конкретный же анализ был сосредоточен на идее «мистического Востока» как превалирующей теме в рамках западного понимания Индии как Другого, особенно относительно ученого подхода к религиоведению и мистицизму [11, р. 2]. Р. Кинг указывает во введении, что категория «мистическое», которая часто воспринимается как небесная, личная и аполитическая, на самом деле вовлечена в сеть властных отношений в контекстах, в которых она применяется [11, р. 2].

В своем исследовании Р. Кинг развивает эту идею в изучении роли западных ориенталистов и индийских интеллектуалов в конструировании образа индуизма как типа мистицизма, сосредоточенного на философии Веданты [11, р. 3].

Постколониальный поворот сыграл большую роль в появлении произведения Винаяка Чатурведи «Крестьянские прошлые: история и память в Западной Индии». Более всего в этом произведении интересна та работа историка, которую предлагает автор.

В. Чатурведи говорит, что его книга – это книга исторических рассказов. Он не избегает фрагментарных источников, когда пишет эти рассказы, с результатом, что некоторые из них сами фрагментарны. Это решение позволяет ему включить свидетельства и доказательства, которые по-иному остались бы за пределами страниц истории. В архивных источниках интересующие В. Чатурведи группы населения упоминаются как часть сноски или просто мимоходом как незначительная административная деталь. Автор сделал много таких ссылок центральными для своего текста. То, что было раскрыто в процессе нахождения фрагментов в рамках источников, являлось комплексным миром, в котором крестьяне артикулировали идеологии, формировали организации и продвигали программы для трансформации в аграрном обществе. Конечно, это не язык источников, а адаптация В. Чатурведи. Но так он

внедрил область политического в свои собственные рассказы об интересующих его Дхарала [12, p. 14].

Отход от традиционности вынуждает исторические исследования пересмотреть отношение к материалу из других областей знания, особенно литературной критики, философии и культурологии. Понимать колониализм, то, как он проявлялся в различных формах, как использовал исторические знания, замкнувшись в рамках четкой исторической науки, нельзя. Как рассматривая связь между колониальной властью и историческим временем, можно обойти исследования знаменитого критика ограниченности понятия современности Х. Бхабха? Ученый советует прибегнуть к критике исторического времени для того, чтобы отойти от гомогенного описания культуры и обратиться к специфическим гибридным социокультурным формам.

В качестве примера этого поворота для индо-мусульманско-британского дискурса он приводит переинтерпретацию британского национального нарратива Салманом Рушди в «Сатанинских стихах». У.С. Рушди все основные понятия, начиная с самого главного понятия «нация», оказываются спародированы, лишены своей логичной линейности и приобретают новый, чуждый гомогенности и строгости смысл.

Заключение. Постколониализм открывает перед историческими исследованиями Индии широкие перспективы. То, что на первый взгляд угрожает исторической науке, только заставляет историков видеть новые горизонты. Возможность экспериментировать с историческим рассказом, отказ от детерминатива всеобъемлющего исторического времени позволяют переписать сложившиеся и уже ставшими классическими нарративы о современной, средневековой, древней истории Индии, перечитать источники, которые уже, казалось бы, не могут таить в себе ничего нового.

Для Индии, богатой исторически и культурно, работа с историческим рассказом, работа радикальная

и вызывающая, не просто желательна, но необходима для раскрытия всего ее потенциала в нашей общей современности.

Литература

1. Sarkar, S. Writing social history / S. Sarkar. – Delhi: Oxford Univ. Press, 1997. – X, 390 p.
2. Nicholson, A.J. Unifying Hinduism: philosophy and identity in Indian intellectual history / A.J. Nicholson. – New York; Chichester: Columbia Univ. Press, 2010. – XII, 266 p. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/read/338689167/Unifying-Hinduism-Philosophy-and-Identity-in-Indian-Intellectual-History>. – Date of access: 03.06.2019.
3. Lorenzen, D. Who invented Hinduism? / D. Lorenzen // Comparative Studies in Soc. and History. – 1999. – Vol. 41, № 4. – P. 630–659.
4. Kruijtzter, G. Xenophobia in seventeenth-century India / G. Kruijtzter. – Leiden: Leiden Univ. Press, 2009. – IX, 315 p.
5. Spivak, G.Ch. A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present / G.Ch. Spivak. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999. – XIV, 449 p.
6. Chatterjee, P. Nationalist thought and the colonial world: a derivative discourse / P. Chatterjee. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1993. – 181 p.
7. Gandhi, L. Postcolonial theory: a crit. introd. / L. Gandhi. – New York: Columbia Univ. Press, 1998. – X, 200 p.
8. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference / D. Chakrabarty. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2000. – 301 p.
9. Inden, R. Introduction: from philological to dialogical texts / R. Inden // Querying the medieval: texts and the history of practices in South Asia / R. Inden, J. Walters, D. Ali. – New York; Oxford, 2000. – P. 3–28.
10. Schwarz, H. Constructing the criminal tribe in colonial India: acting like a thief / H. Schwarz. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – VIII, 163 p.
11. King, R. Orientalism and religion: postcolonial theory, India and «the mystic East» / R. King. – London; New York: Routledge, 1999. – X, 286 p.
12. Chaturvedi, V. Peasant pasts: history and memory in Western India / V. Chaturvedi. – Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2007. – XXII, 308 p.

Поступила в редакцию 11.11.2020